
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Д.В. Косенко

Кафедра политологии

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ул. Владимирская, 60, Киев, Украина, 01601

В статье определено значение и место, которое занимает вопрос рационализации демократических обществ в теории коммуникативного действия немецкого ученого Юргена Хабермаса. Описан неклассический подход мыслителя к исследованию рационализации политической власти демократических обществ.

Ключевые слова: рационализация, власть, политическая власть, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Целесообразность изучения рационализации политической власти демократических обществ в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса возникает в связи с недостаточной исследованностью данной проблематики в научных кругах. Противоречивая оценка самого коммуникативного учения зарубежными и особенно отечественными учеными в советские времена, а также насущных проблем политической, экономической и социальной сферы первых лет независимости не позволяла достаточно исследовать творчество Ю. Хабермаса.

Для полноценного исследования рационализации политической власти демократических обществ необходимо обратить внимание на то, что Ю. Хабермас рассматривал процесс общественно-политической рационализации посредством коммуникативного действия, которое институционализируется через институты гражданского общества. Следовательно, исследуя теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, мы можем говорить именно о рационализации политической власти демократических обществ. Также необходимо определить терминологию, которая будет использоваться в данном исследовании: власть, политическая власть, рационализация.

Для определения термина «власть» нужно обратиться к значению древнегреческого слова *κράτος*, которое связывает два явления: силу и владение имуществом. Значение самого термина раскрывается степенью господства и наличием частной собственности.

В специальной литературе и в языковой практике различных народов сформировались свои традиции словоупотребления группы терминов, что относится к феномену власти. В частности, в немецком языке слово «Macht» одновременно обозначает «власть» и «сила» и происходит, как указывал Э. Канетти, от готского корня «*magen*» (*vermögen*), что значит «иметь возможность» [4. С. 251].

Этимология английского слово *power* происходит от французского *pouvoir*, что, в свою очередь, происходит от латинских слов *potestas* и *potentia*, что обозна-

чают «способность» (оба они сформированы от глагола *potere* — «быть способным»). Так, английское «power» может обозначать «власть» и «силу».

У римлян слово *potentia* устанавливало способность одного человека или вещи воздействовать на другую. Слово *potestas* имело более узкий политический смысл и выявляло особые возможности, которые приобретали люди, общаясь и взаимодействуя совместно; сегодня мы перенимаем кое-что из этого понятия, когда говорим, что сила — в группе. Цицерон следующим высказыванием устанавливал некоторые различия: «*Potestas in populo, auctoritas in senatu*» («Власть — у народа, властные полномочия — у сената»). Следует заметить, что понятие власти римляне ревностно отделяли от других понятий, таких как сила и насилие; властные полномочия; принуждение [13. С. 409].

Едва ли не самым важным залогом раскрытия содержания власти является своеобразное искусство управления, которое является сущностью политической власти. Соответственно, оно является определенным процессом коммуникации, контактов сильных личностей, мощной воли с более слабыми, пассивными. Вместе этот процесс вызывает своеобразное тяготение слабой воли и духа к сильной, к носителю политической власти.

В первоначальных формах власть появилась вместе с человеком. Поэтому власть существовала уже в догосударственных и дополитических формах организации общества. Первоначальная власть выступала как средство поддержания определенного баланса внутригрупповых отношений, прежде всего в виде власти разных вождей кланов или родов, религиозных служителей. В первобытном обществе проявления власти возникли в форме запретов и табу. В то же время опасности, перед которыми стоял первобытный человек, заставляли его вступать в определенные организационные защитные связи, помогающие ему выжить.

Сила является одной из предпосылок возникновения властной агрессивности, что делает власть способной эффективно функционировать. Сначала сила отражала простое физическое неравенство между особями животного мира. Также сила была важнейшим признаком власти еще с начала человеческого общества. Древнегреческий мыслитель Фалес отмечает, что сила является основой власти. С развитием общества сила начала отождествляться не только с физической силой, но и с другими модификации власти, например, богатством [7. С. 37].

Стоит отметить, что сила со временем стала выражаться в приказе, который сначала мог быть жестом или мимикой, голосом или взглядом. То есть, власть воплощалась в императивности, а, значит, в принуждении. Как отмечал Э. Канетти, «приказ древнее, чем язык» [13. С. 324], соответственно, — тот, кто начал отдавать приказы, тот и стал одним из основателей власти и закона.

Следовательно, сила всегда имела волю, которая возбуждала силу к действию, составным элементом. И. Ильин отмечал, что назначение власти состоит в том, чтобы «создать в душах людей настроение определенности, завершенности, импульсивности и исполнительности» [3. С. 197], а волю можно увидеть в интенсивности, активности, внутреннем напряжении, неумолимости волевых поступков и внешних воздействий, которые присущие вождю или правителю, и поэтому далеко не каждому под силу быть повелителем.

Власть — это способность осуществлять свою волю [1. С. 170].

Приведенное определение дает основания подытожить, что власть есть навязывание, которое включает в себя принуждение. Поэтому власть — это «способность заставить людей делать то, что при других обстоятельствах они бы не делали» [7. С. 110]. Также власть — это и определенный дух, когда рядом присутствует сила и воля. Именно дух побуждает человека искать общения, реализовывать свои мечты, интересы; он делает человека социальным существом [9. С. 110].

Рассматривая сущность власти, нужно учитывать следующие постулаты.

1. Во властных отношениях должно быть не менее двух субъектов, которыми могут быть как отдельные личности, так и группы людей или институтов.
2. Решения властного субъекта должно сопровождаться ясной возможностью принуждения или определенных санкций в случае не подчинения воли субъекта.
3. Подчинение объекта решению субъекта.
4. Существование легитимных норм, как основы решений субъекта.

Для власти важно стремление к организованности, ведь без организованности не может развиваться упорядоченная совместная жизнь высших животных [9. С. 111]. В основе организованности лежит упорядоченность, иерархия. Это определенные, достаточно четкие правила регламентации деятельности человеческих групп, правила взаимоотношений, подчинения.

В своих работах Ю. Хабермас пытается критически осмыслить властно-политические формы целостности общественно-политического развития на принципиально иной, по сравнению с классическими политическими теориями, основе.

Поэтому необходимо выделить присущие черты классических политических теорий относительно интерпретации власти.

1. На микроуровне власть осмысливается как осмысленное действие субъекта, связанное с сферой эгоистических гетерономных стремлений, цель которых — воздействие на другого.
2. На макроуровне власть отождествляется с системой государственных институтов, которые определяются законом.
3. Способ бытия существования власти характеризуется, в основном, отрицательными категориями: власть отождествляется с репрессивно-отрицательными санкциями, способностью наказывать, ограничивать, запрещать и т.д. [2. С. 86].

Очевидно, что пункты 1 и 2 отправляют исследователя к понятию субъекта, какому приписывается способность властвовать точно так же, как и способность быть богатым. В пункте 3 указывается на наличие у власти «эмпирических» ресурсов, с помощью которых она может влиять на свой объект [7. С. 38].

Критическая установка Ю. Хабермаса касательно классической теории власти выражается, в первую очередь, в том, что он истолковывает власть как «внеязыковой медиум» координации действий. То есть власть у Ю. Хабермаса — это доязыковая форма коммуникации. При таком истолковании власть уже не может представляться по классической схеме с двойственностью оппозиции субъекта и объекта. Конечно, власть может приобретать форму медиума лишь вследствие того, что она не связана с некоторыми персонами и некоторыми контекстами [16. С. 269].

С позиции Ю. Хабермаса о власти, в истинном смысле этого слова, мы можем говорить только как о медиуме координации действий в политико-административной системе. Внеязыковые системные медиумы управления обладают определенными аналогами в границах институтов жизненного мира. Так, аналогами власти в мире можно считать такие феномены, как «авторитет», «репутация», «влияние», «престиж», «ценностные обязательства». Однако, несмотря на такую коррелятивность, между группами феноменов, существующих в жизненном мире и системе, существует кардинальное различие.

В жизненном мире феномены «влияния» имплицитно речевую коммуникацию и таким образом становятся зависимыми от консенсуса. Системные же медиумы существуют вне языкового и консенсусного контекста. Одни медиумы влияют на «убеждения», в то время как системные медиумы вмешиваются в «ситуацию» актера. Сгенерированные формы коммуникации, такие как ценностные приверженности, и влияние требуют перлокутивных актов, и в силу этого, в ориентации на взаимопонимание, остаются подчиненными использованию языка. Управленческие медиумы, такие как деньги и власть, реализовывают интеракции путем интервенции (вовлечения) в ситуацию другого через перлокутивные эффекты [16. С. 457].

Перспективность критической позиции Ю. Хабермаса в первую очередь включает доказательство того факта, всякое изучение власти не может быть абстрагированным от анализа ее легитимности, то есть от тех же вопросов, которые М. Фуко пытался избегать. Без этого элемента теория власти является мертвой. И если на уровне микрофизики власть действительно выражается в своей экстремальной, непосредственной отношении легитимности форме, то на уровне институциональной власти проблема легитимности становится первоочередной [7. С. 38].

Согласно философскому энциклопедическому словарю, «политика» (от греч. Πολιτικά — государственная деятельность) в самом общем смысле — это деятельность, имеющая своей целью регулирование взаимоотношений между людьми для обеспечения определенного состояния некоторых общественных единиц (общественных образований) [10. С. 494].

Так, сфера политического конституируется тогда, когда усилия по закреплению возможностей бытия в мире связывается с поддержкой общих для жизненного мира открытых возможностей, которые также включают в себя возможность трансформации его структурных элементов. Иными словами, феномен политического конституируется, когда горизонт общих возможностей жизненного мира, освоенный в социальных практиках, рефлексивно принимается как условия возможности закрепления индивидуального бытия в мире. В таком опосредовании индивидуального бытия в мире и общего горизонта жизненного мира рождается сфера политической власти.

Ю. Хабермас склоняется к мнению, что в настоящее время политический процесс развивается в основном в союзах, политических партиях, оставляя обществу роль безучастного зрителя [11. С. 152]. Он считает, что на смену обществу, которая представляет собой частных лиц, пришла общность людей,

которые объединились в организации. Только они в современных условиях способны решительно участвовать в процессе общественной коммуникации, используя внутрипартийные и внутрисоюзные каналы, на их основе практически воплощать коммуникацию между государством и обществом.

Несомненно, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса вывела диспут о природе рациональности и проблему рационализации, о ее противоречиях на следующий уровень, сделав акцент на том, что рациональное зарождается и развивается собственно в сфере коммуникации, и процессы, происходящие в ней, становятся определяющими факторами социально-политического развития.

Собственно коммуникативный дискурс, по мнению Ю. Хабермаса, образует то пространство свободы, в котором особи на основании согласия способны воздействовать на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами. На этом выводе сформирован исторический оптимизм и вера в просвещение и разум, что реабилитируется в критической теории, что и воплощено в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Своим оптимистичным настроением это учение разительно выделяется от ранней критической теории М. Хоркхаймера и Т. Адорно [16. С. 50].

Так как в центр исследований Ю. Хабермаса положена теория рационализации М. Вебера, то в теории коммуникативного действия Ю. Хабермас рассматривает «модернизацию общества» как дифференциацию капиталистического хозяйства и государства эпохи модерн, «культурную рационализацию» как развитие современной науки и техники, автономного искусства, этики принципов и норм [8. С. 246].

Основываясь в своих исследованиях на понятии М. Вебера «общественная рационализация», Ю. Хабермас подвергает резкой критике тезис М. Вебера об идентичности увеличения значимости целерациональности и процесса общественной рационализации.

Хотя М. Вебер исследует процесс рационализации картин мира и весь спектр достижений общества модерна с помощью концепции рациональности, но, переходя от культурной к общественно-политической рациональности, он ограничивает границы целерационального действия. Ю. Хабермас видит в этом «сужение понятия рациональности, которое характерно для ограниченной целерациональным действием теории действий М. Вебера» [18. С. 306]. Из этого можем сделать вывод, что, по мнению Ю. Хабермаса, М. Вебер не видит альтернативных возможностей, возникающих вместе с современными структурами сознания, потому что на уровне общества М. Вебером приравнивается процесс рационализации к распространению целерациональности. М. Вебер не пришел к тому, что различным сферам соответствуют различные рациональности и различные типы действий, которые в итоге могут быть рационализированы. Ю. Хабермас критикует то, что М. Вебер конституирует на общественном уровне соотношение цели и средства, что находит свое формулирование преимущественно в сфере экономики, в частности в деньгах.

В дополнение М. Веберу, как отмечал К. Богнер, Ю. Хабермас пытается с помощью понятия коммуникативной рациональности охватить весь спектр рацио-

нальности. С помощью этого понятия, которое основывается на специфическом восприятии как целерационального, так и ценностно-рационального (нормативного) и экспрессивного (драматургического) действия, Ю. Хабермас пытается показать, что потенциал рациональности не заключается только лишь в распространении целерациональной ориентации действий, он рассматривается с точки зрения распространения морально-практического и эстетико-экспрессивного знания [15. С. 59].

Вводя коммуникативную рациональность, Ю. Хабермас желает отобразить процессы общественно-политической рациональности не только с точки зрения институционализации целерационального действия, как это было у М. Вебера, но и показать весь спектр разнообразия социально-политических взаимосвязей посредством коммуникативной рационализации. Ю. Хабермас трактует рациональность следующим образом: «Рациональное мы называем наличие у способных говорить и действовать субъектов желание приобрести знания и правильно использовать их. Пока основные понятия философии сознания заставляют понимать знания исключительно как знание чего-то в объективном мире, рациональность сравнивает себя со способностью единичного субъекта ориентироваться в пространстве настоящего смысла своих мыслей и высказываний» [12. С. 324].

Анализируя различные типы рациональности, Ю. Хабермас делает следующие выводы:

а) когнитивно-инструментальная рациональность, благодаря науке и достижениям научно-технического прогресса, имеет, несомненно, большое значение для образования структур общества. Этот тип рациональности развит достаточно сильно, чтобы подчинить своим императивам сферы, не связанные с целерациональной ориентацией действий. Это выражается в законах экономической и политической систем, которые определяют структуру современного общества на основании критериев формальной рациональности;

б) эстетико-практическая рациональность, благодаря культуре в узком смысле слова, влияет на наше восприятие мира и на наши потребности. В современном искусстве, например, в авангардистском движении, были попытки «эстетизации» жизни. Однако, по мнению Ю. Хабермаса, эти попытки эстетически инспирированной критики модерна провалились, так как в данном случае доминанте когнитивно-инструментальной рациональности противопоставлялась доминирующая эстетическая рациональность, т.е. усиливался разрыв между различными сферами социокультурной жизни;

в) морально-практическая рациональность, которая изначально была связана с религиозными картинами мира и благодаря институтам церкви имела сильное влияние на формирование общества, стала жертвой императивов научно-технического мира [14. С. 156].

Основополагающим мнением Ю. Хабермаса является то, что потенциал рациональности мог бы в новых условиях снова приобрести значение для развития общества в новой форме коммуникативной власти, которая имела бы релевантность и на политическом уровне. Но морально-практическая рациональность была

бы действенной только в сочетании с соблюдением интересов отдельных индивидов и всего общества [17. С. 202].

В конечном итоге деятельность, которая ориентируется на понимание, достигая все большей самостоятельности по отношению к нормативным контекстам, трансформируется в коммуникативные медиумы, которые вообще лишают деятельность процессов ценностного понимания и заменяют их сгенерированными ценностями, такими как деньги и власть.

Эти медиумы не только упрощают речевую коммуникацию, но и вообще заменяют ее символическими генерализациями. Этим самым они отрывают социальную деятельность от интеракций, построенных на согласованности относительно ценностей, поскольку координационная функция медиумов основывается здесь на целерациональности. В свою очередь, речь тоже отрывается от жизненного мира и также становится одной из систем, аналогичной другим формам языковой коммуникации [5. С. 370].

Рационализация политической власти, — пишет Ю. Хабермас, — делает возможным такой вид системной интеграции, который противоречит интегративному принципу, основанному на понимании, и в определенных условиях может осуществлять обратное дезинтегративное влияние на жизненный мир. Следствием этого и становится то, что Ю. Хабермас называет «разъединением систем жизненного мира» или, иначе говоря, противоречивость сосуществования двух парадигм общества: как целерациональной системы; и построенного на коммуникативных принципах жизненного мира. Последний предстает здесь субсистемно, наряду с другими субсистемами общества. А потому и коммуникативно-структурированный жизненный мир, который должен быть ядром социальной эволюции, принимает вид искаженного консенсуса [16. С. 370].

Особое значение Ю. Хабермас придает демократии. Ю. Хабермас рассматривал процесс общественно-политической рационализации посредством коммуникативного действия, которое институционализируется через институты гражданского общества.

Следовательно, исследуя теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, мы можем утверждать именно о рационализации политической власти демократических обществ. Оплот демократии он видит не в укреплении государственности, то есть не в усилении государственного вмешательства в жизнь общества, а в усилении роли сознательной, образованной общественности, которая производит цели и идеалы социально-политической жизни, активно участвует в политическом процессе, который является «живым духом» демократии, гарантом ее обеспечения. Демократия, по его мнению, существует только до тех пор, пока «критическая общественность» остается способной эффективно производить политическую инициативу, осуществлять контроль за деятельностью бюрократии.

Следовательно, рационализация политической власти демократических обществ в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса значит устранение тех властных отношений, которые остаются скрытыми в структуре коммуникации и препятствуют осознанному решению и консенсусному урегулированию кон-

фликтов как в интрапсихической, так и в инерперсональной сфере коммуникации. Рационализация значит преодоление таких систематически искажаемых коммуникаций, в которых консенсус по осуществляемой деятельности, что должно достигаться через взаимное повышение требований значимости, прежде всего действительности интенциональных высказываний и верности фундаментальных норм, утверждается лишь для вида, т.е. конфронтально.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Всемирная энциклопедия. Философия / Сост. А. Грацианов. — Минск: Харвест, 2001.
- [2] *Зимовець Р.В.* Феномен влади в культурі: дисс. ... канд. філос. наук. — К.: Інститут філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України, 2001.
- [3] *Ильин И.* О сущности правосознания: Сочинения в 2 т. / Т. 1: Философия права. Нравственная философия. — М.: Медиум, 1993.
- [4] *Канетти Э.* Масса и власть / Пер. Л. Ионин. — М.: Ad Marginem, 1997.
- [5] *Кирилюк Ф.М.* Новітня політологія: Учеб. посіб. для студ. вищ. навч. закладів. — К.: Центр учбової літератури, 2009.
- [6] Короткий оксфордський політичний словник / За ред. І. Макліна, А. Макмілана. — К.: Основи, 2006.
- [7] *Косенко Д.* Кратологічний вимір комунікативного вчення Ю. Габермаса // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія, політологія. — 2013. — № 1.
- [8] *Косенко Д.* Політичне відчуження в комунікативній теорії Ю. Габермаса // Політологічний вісник. — 2012. — № 60.
- [9] *Кухта Б.* Політична еліта (кратократичний аспект). — Львів: ЦПД, 2011.
- [10] Філософський енциклопедичний словник / Гол. ред. В.І. Шинкарук. — К.: Абрис, 2002.
- [11] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М.: Академия, 1995.
- [12] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева — М.: Весь мир, 2003.
- [13] Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / АН УССР. Ин-т языкознания им. А. Потебни; Редкол. А.С. Мельничук (главный ред.) и другие. — Т. 1: А—Г / Сост.: Р.В. Болдырев и др., 1982.
- [14] *Яременко И.А.* Коммуникативное учение Ю. Хабермаса в проблемном поле незавершенности модерна: Дисс. ... канд. філос. наук. — Днепропетровск: Национальный горный университет, 2007.
- [15] *Bogner C.* Die Versöhnung der mit sich selbst zerfallenen Moderne: zum Verhältnis von Ethik und Gesellschaftstheorie bei J. Habermas. — München: tuduv — Verl.: Ges., 1990.
- [16] *Habermas J.* The theory of communicative action / Translated by Thomas McCarthy. — Volume two: Lifeworld and system. — Boston: Beacon Press, 1987.
- [17] *Habermas J.* Im Gespräch mit A. Honneth, E. Knödler-Bunte und A. Waldmann // Kleine politische Schriften (I—IV). — Frankfurt, 1981.
- [18] *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. B. II. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1981.

REFERENCES

- [1] Vsemimaja jenciklopedija. Filosofija / sostavitel' A. Gracianov. Minsk, Harvest, 2001.
- [2] Zimovec', R.V., Fenomen vladi v kul'turi: dis. kand. filoz. nauk. K.: Institut filosofii im. G.S. Skovorodi NAN Ukraini, 2001.

- [3] Il'in, I., O sushhnosti pravosoznaniya: Sochineniya v 2 t. Vol. 1. Filosofija prava. Nравstvennaja filosofija. Moscow, Medium, 1993.
- [4] Kanetti, Je., *Massa i vlast'* / per. L. Ionin. Moscow, Ad Marginem, 1997.
- [5] Kiriljuk, F.M., *Novitnja politologija / uch. posib. dlja stud. vishh. navch. zakladiv. K., Centr uchbovoi literaturi*, 2009.
- [6] Korotkij oksfords'kij politichnij slovník / za red. I. Maklina, A. Makmilana. K., Osnovi, 2006.
- [7] Kosenko, D., *Kratologichnij vimir komunikativnogo vchennja Ju. Gabermasa. Visnik Kiivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Filosofija, politologija*, 2013, № 1.
- [8] Kosenko, D., *Politichne vidchuzhennja v komunikativnij teorii Ju. Gabermasa. Politologichnij visnik*, 2012, № 60.
- [9] Kuhta, B., *Politichna elita (kratokraticnij aspekt)*. L'viv, CPD, 2011.
- [10] *Filosofs'kij enciklopedichnij slovník*, gol. red. V.I. Shinkaruk. K., Abris, 2002.
- [11] Habermas, Ju., *Demokratija. Razum. Nравstvennost'*. Moskovskie lekcii i interv'ju / kor. O. Ivanova. M., Akademija, 1995.
- [12] Habermas, Ju., *Filosofskij diskurs o modern*, per. s nem. M.M. Beljaeva. Moscow, Ves' mir, 2003.
- [13] *Jetimologicheskij slovar' ukrainskogo jazyka: v 7 t. / AN USSR. In-t jazykoznanija im. A. Potebni; Redkol. A.S. Mel'nichuk (glavnyj red.) i drugie. T. 1: A—G*, Sost.: R.V. Boldyrev i dr., 1982.
- [14] Jarenko, I.A., *Kommunikativnoe uchenie Ju. Habermasa v problemnom pole nezavershenosti moderna: dis. kand. fil. nauk. Dnepropetrovsk, Nacional'nyj gornyj universitet*, 2007.
- [15] Bogner, C., *Die Versöhnung der mit sich selbst zerfallenen Moderne: zum Verhältnis von Ethik und Gesellschaftstheorie bei J. Habermas*. München, tuduv, Verl., Ges., 1990.
- [16] Habermas, J., *The theory of communicative action / Translated by Thomas McCarthy, Volume two: Lifeworld and system*. Boston, Beacon Press, 1987.
- [17] Habermas, J., *Im Gespräch mit A. Honneth, E. Knödler-Bunte und A. Waldmann. Kleine politische Schriften (I—IV)*. Frankfurt, 1981.
- [18] Habermas, J., *Theorie des kommunikativen Handelns. B.II. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1981.

POLITICAL POWER RATIONALIZATION OF DEMOCRATIC SOCIETY IN THE JURGEN HABERMAS THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION

D.V. Kosenko

The Department of Political Science
Kiev National University Named After Taras Shevchenko
Vladimirskaya str., 60, Kiev, 01601, Ukraine

In the article there was determined value and place of the question of democratic societies rationalization of political party in the theory of communicative action of the German scholar Jürgen Habermas. The author described non-classical approach to the study of the thinker of the political power of democratic societies.

Key words: rationalization, political power, Jürgen Habermas' theory of communicative action.